

В военной прокуратуре пограничных и внутренних войск НКВД Западно-Сибирского округа

Военной прокуратурой ПВВ передано дело на рассмотрение Военного трибунала по обвинению бывших: начальника Ленинск-Кузнецкого городского отдела НКВД Луныкова А. Г., начальника отделения того же горотдела Савкина А. И., оперуполномоченного Белоусова А. И. и и. о. прокурора гор. Ленинск-Кузнецка Клиши Р. М. — первых трех по ст. 193-17 «а» УК и последнего по ст. 109 УК за грубейшие нарушения социалистической законности при ведении следствия.

Дело будет рассматриваться открытым процессом, с участием сторон обвинения и защиты в клубе им. Дзержинского 20 февраля.

Военный прокурор ПВВ ЗСО, бригаженюрисст **КОНДРАТЬЕВ.**

В Военном трибунале

Вчера, в 6 часов вечера, в клубе имени Дзержинского Военный трибунал пограничных и внутренних войск Западно-Сибирского округа в открытом судебном заседании приступил к слушанию дела по обвинению бывших начальника Ленинск-Кузнецкого горотдела НКВД Лунькова А. Г., начальника четвертого отделения, того же горотдела, Савкина А. И. и оперуполномоченного горотдела НКВД Белоусова А. И. в преступлении, предусмотренном ст. 193-17, пункт «а» УК РСФСР, и бывшего и. о. прокурора Ленинск-Кузнецка Блипп Р. М. по ст. 109 УК РСФСР.

Дело слушается Военным трибуналом в составе председательствующего бригадвоенюрриста Г. Н. Кулик, членов — военюрриста третьего ранга С. А. Зубарева и батальонного комиссара А. Г. Блинова, секретаре военюрристе Ф. Т. Журавлеве.

Обвинение поддерживает военный прокурор Сибирского военного округа бригадвоенюррист Н. Б. Лиховидов, защищают подсудимых члены Новосибирской коллегии защитников гг. Воскобойников и Фомичев.

Обвиняемые Луньков, Савкин, Белоусов с провокационной целью, без всяких оснований производили аресты учащихся школ города, в том числе малолетних детей, обвиняя их в тяжчайших контрреволюционных преступлениях (дело Курбатовой и др.).

И. о. прокурора Ленинск-Кузнецка Блипп, даже не знакомясь с материалами обвинения, давал санкции на арест. Обвиняемые Луньков, Савкин, Белоусов и Блипп грубо нарушали в данном деле революционную законность, своими провокационными действиями возбуждали недовольство трудящихся.

На предварительном и судебном следствии обвиняемые сознались в совершенных ими преступлениях. Стараясь всеми силами придать возбужденному ими делу «политическую окраску», подсудимые предъявили детям 10—12 лет обвинения в политических преступлениях, о которых дети вообще не имели представления.

Допрос подсудимого Савкина показал, что он привык любое деяние подводить под 58 статью. Его дополняет подсудимый Луньков, который говорит, что он чуть ли не каждое дело квалифицировал, как контрреволюционное. Луньков признает, что их действия носили провокационный характер и объективно играли на руку врагам народа.

Сегодня — продолжение допроса подсудимых.

В ВОЕННОМ ТРИБУНАЛЕ

Судебный процесс над злостными нарушителями социалистической законности *)

На судебном следствии путем допроса подсудимых Военный трибунал и прокурор раскрывают картину провокационных действий Савкина и Лунькова, направленных на дискредитацию революционной законности, на грубейшие нарушения прав трудящихся. Создавая фальшивое дело по обвинению детей школьного возраста в тяжчайших контрреволюционных преступлениях, Савкин и Луньков относились преступно-безответственно к расследованию дел. Достаточно было получить одну — две жалобы о хулиганских поступках какого-нибудь школьника, как Савкину уже мерещилось громкое контрреволюционное дело. И Савкин с отменной прытью заводил «дело», квалифицируя обычные хулиганские проступки детей по статьям Уголовного Кодекса, карающим виновников за совершение террористических актов, шпионаж, контрреволюцию.

В Ленинск-Кузнецке, как и по всей Советской стране, счастливые советские школьники любят дружить, в свободное время веселиться, ходить друг к другу, беседовать, совместно читать книги, посещать кино. Неусыпное око Савкина зерко следит за всякой дружбой детей, чтобы, получив сигнал, обвинить 12-летнего школьника В. Логунова в создании «антисоветской» организации, в «терроре» педагогов, пионеров. Достаточно было обнаружить у 2—3 детей перочинные ножи, как детям предъявляется тягчайшее преступление, предусмотренное статьей 58-8 Уголовного Кодекса.

В фабрикации ни на чем не обоснованных, от начала до конца высосанных из пальца, обвинений против детей Савкин вкладывает все свои силы, проявляет высокую «изобретательность». Он проникает нелегально в школы Ленинска, собирает «данные» на месте, при этом ведет допросы детей в отсутствие педагогов с грубейшим нарушением законов, учиняя подписи на протоколах допроса через 2—3 дня.

На судебном следствии Савкин прикидывается Иваном, не помнящим родства. Он все залапывал, «не помнит ничего»: ни дат, ни фамилий, ни фактов. Зато там, где это выгодно, чтобы выгородить себя, к Савкину вдруг возвращается память, и он начинает говорить о конкретных делах.

Прокурор: Скажите, подсудимый Савкин, было ли нет у вас достаточно данных, чтобы квалифицировать предъявленные детям обвинения, как контрреволюционные?

Савкин: Мне кажется, такие данные были.

Прокурор: Тогда назовите факты, укажите людей, конкретных виновников, время — когда и где это было?

Савкин: Не помню.

Прокурор: Какие у вас были данные для того, чтобы в составленной вами справке выдвинуть обвинение 12-летнему В. Логунову в том, что он еще в 1935 году девятилетним мальчиком занимался вербовочной деятельностью и руководил «антисоветской» организацией?

Савкин: Не помню, как могла втеряться в составленный мною документ эта ошибка.

Прокурор: Чем объясняете вы, что первоначально количество детей, допущавших, по вашему мнению, антисоветские поступки, было определено цифрой 60, а потом эта цифра была доведена до 160? Не с потолка ли была взята вами эта цифра?

Савкин: Не помню. Вероятно, это машинистка опечатку сделала.

Прокурор: Отдавали ли вы себе отчет в том, что, предъявляя школьникам в возрасте 10—12 лет обвинения в тягчай-

ших государственных преступлениях, вы тем самым злостно клеветали на счастливую советскую детвору?

Савкин: Только теперь мне стало ясно, что я поступил неправильно, грубо нарушил закон от 7 апреля 1935 года.

Прокурор: Можно ли квалифицировать проступки детей, как контрреволюционные, ведь военная прокуратура прекратила дело за отсутствием состава преступления?

Савкин: Я знал только одну статью — 58 и под эту статью подводил все преступления.

Прокурор: Сознаете ли вы свою вину в том, что приписывали детям преступления, которых они не совершали?

Савкин: Да, сознаю.

Председательствующий выясняет факты, на основании которых Савкин составил донесение в областные организации. В этом донесении указывалось, что в Ленинск-Кузнецке вражеская деятельность в школах приняла большие размеры.

Председательствующий: Назовите факты, людей, проводивших эту вражескую работу.

Савкин: Точно не помню.

Председательствующий: Почему так долго тянулось следствие по делу об арестованных вами школьниках?

На этот вопрос Савкин не дает разумительного ответа, пытается сослаться на то, что «детское дело» долго путешествовало из Ленинска в Новосибирск и обратно. Трибунал, однако, устанавливает, что Савкин имел возможность не допустить нарушения законных сроков для производства следствия.

Стараясь увиливать от полноты ответственности за свои преступления, все подсудимые пытаются свести дело только к допущенному ими якобы одному нарушению закона от 7 апреля 1935 года (закон, запрещающий привлекать к суду несовершеннолетних по политическим преступлениям). В этом у всех язык один: и у Савкина, и у Лунькова, и у Белоусова, и у Блиппа.

Однако судебное следствие и ответы подсудимых на вопросы председателя и членов трибунала, а также на вопросы прокурора показали, что все подсудимые были активными соучастниками в создании явно провокационного дела, льющего воду на мельницу врагов народа. Савкин — душа и организатор провокации, Луньков — его вдохновитель и руководитель. Слепо, по-чиновничьи выполняя любое поручение, данное ему, Луньков не останавливается перед тем, чтобы сгустить краски, дать делу «политическую окраску». Делается это быстро, в один присест. Савкин приносит десятки протоколов допросов, пишет донесения, а Луньков, не читая многих документов, утверждает их.

Прокурор: Как могло случиться, что вы, работник, стоявший на ответственном посту, санкционировали незаконные обвинения детей в несовершеннолетних ими преступлениях и дали распоряжение об их аресте?

Луньков: Мы, предъявляя обвинения детям, независимо от доказательств, не пытались разбираться в формулировках преступлений, в правильной квалификации их.

Прокурор: Почему вы, подписывая ответственные документы, составленные Савкиным, не утруждали себя ни анализом, ни внимательным чтением их?

Луньков: Я считал, что без полного доверия ко всем своим сотрудникам работать нельзя, слепо доверялся и за это вот сижу теперь на скамье подсудимых.

На вечернем заседании 21 февраля продолжался допрос подсудимых.

В ВОЕННОМ ТРИБУНАЛЕ

Судебный процесс над злыми нарушителями
социалистической законности *)

(Вечернее заседание 21 февраля)

Семилетний Володя допытывался у отца:
— Папа, а как делаются пушки?

Отец ответил сыну очень смешно и интересно. И в детском чистом воображении возникла веселая картина: вот делатель пушки «берет» дыру и «обливает» ее медью. Пушка готова.

Володя сиял от удовольствия.

Он был счастлив на тех же основаниях, что и чеховский ребенок, которому мама нарисовала суп с клецками.

Володя жил весело, прекрасно.

Но вот через три года, в 1938 году, Володя попал сразу к четырем «папам». Это были Луныков, Савкин, Белоусов и Клипп. Они разговаривали с Володей на странном языке, упрямно повторяя одни и те же слова: «фашизм», «контрреволюция», «террор», «вооруженное восстание», «вербовка», «организация».

Все эти дяди были с перьями и бумагой. На дворе стояла густая полночь, Володе стало скучно и хотелось спать. Но незнакомые дяди, нацелив перья, продолжали повторять свои слова.

Дело не ладилось, но после нескольких дней, проведенных Володей в тюрьме, все пошло, как по маслу.

Следователь Ленинск-Кузнецкого городского отдела НКВД Белоусов спрашивал:

— Вы состояли в контрреволюционной фашистской террористической организации?

Володя становился в позу и, сдвинув брови, отвечал:

— Признаю себя виновным. Я состоял в контрреволюционной фашистской террористической организации.

И следствие продолжалось.

— Вы возглавляли группу?

— Признаю себя виновным. Я возглавлял группу.

— Вы свою вербовочную деятельность начали в 1935 году?

— Признаю себя виновным. — неизменно отвечал Володя, — я свою вербовочную деятельность начал в 1935 году.

Белоусов торжествовал. Его начальники Савкин и Луныков были вне себя от радости, даже прокурор Клипп, бездушный футляр, напичканный изречениями из словаря иностранных слов, проявил некоторое движение живости. На суде Белоусов нагло хвастает:

— Допрашивать мне было легко!

Правда, открылось пренебрежительное отношение. Надо спрашивать «преступника» Володю, когда же он сам был завербован в организацию? Ясно, что он был «завербован» раньше 1935 года, поскольку в 1935 году он уже сам «вербовал», а в 1935 году «преступнику» было... 7 лет. Но вопрос разрешился сам собою: Володя был завербован задолго до его рождения.

Так стряпалось дело негодьями, пробравшимися в органы НКВД и прокуратуры, Луныковым, Савкиным, Белоусовым и Клипп. Дети сидели в тюрьме вместе с бандитами уголовными и политическими. Часть детей была уже отправлена в тюрьму другого города.

Провокация, преступная, грязная, бессовестная клевета на советских детей! Луныков, Савкин, Белоусов и Клипп прекрасно это понимали. Судебным следствием теперь точно установлены подлог документов, искусственность дела. Ни в каких документах следствия и сообщениях возраст «преступников» не указывался.

Председательствующий (к Луныкову):
Боже же вы обманывали?

Луныков молчит.

Прокурор (к Луныкову): Следовательно, никакой контрреволюционной фашистской террористической организации не было и дети фашистами не были, никаких контрреволюционных замыслов не было, но вы обвинили их, создали дело. Как это дело назвать?

Луныков: Фабрикацией. Конечно, это фабрикация.

Прокурор: Так и надо разговаривать, что ж стыдиться и молчать?

И суд открывает, что острое провокации имело направление далеко не случайное.

Председательствующий (к Луныкову):
У вас были сигналы о взрослых людях, но не учащихся. А весь удар вами был направлен на школьников и на школы?

Луныков: Да.

По залу заседания гулко проходит ропот негодования. Допрос продолжается.

Председательствующий: Где содержались ребята?

Луныков: В общих камерах.

Председательствующий: Кто в этом виноват?

Луныков: Я.

Председательствующий: А в том, что не было постельных принадлежностей кто виноват?

Луныков: Я.

Председательствующий: Вам было из-

вестно, что допросы производятся без родителей, без педагогов, ночью?

Луныков: Да, было известно.

Председательствующий: По чьей вине это происходило?

Луныков: По моей вине.

Председательствующий зачитывает целый список детей, арестованных совершенно без всяких оснований. Луныков за каждой фамилией отвечает: «да, он не виновен, да, не виновен».

Председательствующий: Но ведь вы всех их обвинили в фашизме, террористической деятельности?

Луныков: Да.

Председательствующий: Откуда же взялась контрреволюция?

Луныков: Я дал!

Белоусов нехотя, со скрипом и увертками открывает ларчик.

Белоусов: Луныков сказал мне, что нигде не берутся за дела так, как мы. И если мы проведем это дело, то авторитет наш поднимется высоко.

Белоусова суд допрашивает вслед за Луныковым. Белоусов — это обер-мастер провокации и ажи. На суде он так же усленно жмет, как глал и в своих грязных писаниях — «протоколах допросов». Прокурор разоблачает все его уловки одну за другой, и вот залгавшийся, страшно развязный, обер-мастер провокации приперт к стене и выразительно машет рукой.

Белоусов рассказывает с удивительным спокойствием: «Я писал справки на арест детей. Писал я, придерживаясь «шапки» дела. А «шапку» составляли Савкин и я — вдвоем. Когда я составлял обвинительное заключение, то моя «шапка» вошла туда. Производил допрос без педагогов и родителей».

Прокурор: А дети, скажем, мальчик К., понимали ваши вопросы?

Белоусов: Не понимали.

Прокурор: Были ли в деле материалы, которые бы давали основание квалифицировать контрреволюционную фашистскую террористическую повстанческую организацию?

Белоусов: Нет.

Прокурор: Вы знаете, что военная прокуратура прекратила это дело?

Белоусов: Прекрасно даже знаю!

Прокурор: Значит дети сидели в тюрьме восемь месяцев напрасно?

Белоусов: А мне-то что!

Он знает все досконально и сторожит любую возможность спрятаться в кусты. Но возможности нет.

Председательствующий: На предварительном следствии вы показали, что все дело, выдуманное вами и другими, сидящими здесь, подсудимыми, — явно провокационное дело.

Белоусов: Нет, я таких показаний не давал.

Председательствующий: Но здесь ведь ваша подпись.

Белоусов: А я об этом знаю!

Председательствующий: Но все же посмотрите.

Белоусов: Я и без этого знаю, что моя подпись, мои показания. (Смотрит). Мой! Правильные показания!

Председательствующий: Следовательно, вы на предварительном следствии показывали правду.

Белоусов: Да, правду.

И снова у Белоусова срывается жест неудачи, уже знакомый слушателям суда. По залу проходит смех.

К делу привлечено много свидетелей. Их показания открывают новое и чрезвычайно важное обстоятельство. Направив острое провокации на советскую школу, на советских детей, преступная компания злых нарушителей социалистической законности долгое время маскировала свою подлинную «работу». Она информировала высшие органы организации о якобы взрослых юношах, привлеченных по делу, информировала о хулиганстве, проявляемых уголовниками, а на месте пред'являла обвинения, вела дело и аресты по статьям о контрреволюционной фашистской террористической деятельности.

На месте это не скрывалось. Прокурор Клипп был в полном курсе дела. Он лично, не имея на то права, давал санкции на аресты детей, лично проводил передпросы их и писал на делах свои ложные справки о том, что «преступник» такой-то (ребенок) изобличен в контрреволюционной фашистской повстанческой деятельности.

Клипп: Я легко давал разрешения на арест. Материалов не проверял. Я знал о гримасе дела и на возраст «преступников» не обращал внимания. Формально, бюрократически отнесся к этому делу и своими действиями помогал создать провокацию.

Факты, документы, свидетельские показания уличают обвиняемых и не дают им уйти от ответственности за клевету на советских детей; за преступное, злостное нарушение социалистической законности нашей великой страны.

В ВОЕННОМ ТРИБУНАЛЕ

Судебный процесс над злостными нарушителями социалистической законности

Дневное и вечернее заседания 22 февраля *)

Военный трибунал допрашивая свидетелей. Показания всех свидетелей красноречиво говорят об одном: провокационное дело, сотряпанное подсудимыми, было направлено на преступную дискредитацию социалистической законности, на грубейшие нарушения важнейших прав трудящихся, записанных в Великой Сталинской Конституции.

Одни за другим свидетели Баталин, Киреев, Зайцев, Корнилов, Красильникова показывают, что не было никаких данных для ареста и привлечения к суду детей за якобы совершенные ими тяжчайшие контрреволюционные преступления. Наглая, самая беззастенчивая фабрикация показаний детей на допросах проводилась подсудимыми Савкиным, Белоусовым при ближайшем активном соучастии подсудимого Лунькова и выступающего в качестве свидетеля по данному делу гр-на Шапиро.

Допрашивается свидетель Киреев.

— Никаких контрреволюционных действий, — говорит свидетель, — в поступках детей, арестованных и привлеченных по делу, не было. Дело было явно провокационное, сфабрикованное провокаторами Луньковым, Савкиным, Белоусовым при ближайшем соучастии Клиппа.

Прокурор: Скажите, свидетель Киреев,

кто является, по вашему мнению, главным организатором этого дела?

Свидетель Киреев: Я считаю главным организатором подсудимого Савкина.

Прокурор: Расскажите, как производился допрос детей?

Свидетель Киреев: Детей допрашивали в отсутствие педагогов и родителей. Это уже было грубое нарушение закона. Детей фактически не допрашивали, а внушали каждому из них мысль согласиться с теми доводами, какие были уже сформулированы, например, следователем Белоусовым и другими подсудимыми. Когда в Ленинск-Кузнецк приехали я, зам. облпрокурора Зайцев, помощник главного военного прокурора Дорман и когда мы разъяснили арестованным детям настоящий смысл ранее данных ими показаний, дети поотрез отказались от подписанных ранее протоколов допроса. Детей спрашивали, например, знают ли они, что такое фашизм, кто такие фашисты, видели ли их дети. На это следовали такие ответы: «фашистов мы видели в кино, на экране, они ходят в белых шапочках». Детям задавали другой вопрос: видели ли они где-нибудь троцкистов, бухаринцев. На это следовали ответы: «таких мы видели в тюрьме, где мы сами вместе с ними сидели». Детям задавали третий вопрос: состояли ли они в «организации», в чем выражалась деятельность «членов» такой «организации»? На это дети отвечали: «а

вот если Гришка Мышка ударил где-нибудь или толкнул его, или газетку шоферский потуже затянул — значит мы состоим в организации».

Председательствующий зачитывает показания арестованных детей, данные представителям прокуратуры. Из этих показаний трибунал еще раз непреложно устанавливает, что следователи, ведшие дело, умышленно домогались нужных им показаний.

Показаниями свидетеля Зайцева также подтверждается этот вывод. Свидетель Грибанов показывает, что многие дети были арестованы и содержались под стражей с грубейшим нарушением советских законов. Свидетельница Красильникова показывает, что, например, ученица А. из школы № 3 и до ареста не была замечена в антисоветских поступках. Освобожденная из-под ареста после прекращения дела прокуратурой ученица А. учится сейчас хорошо, поведение у ней хорошее. Свидетельница делает из этого факта, как и из других, совершенно правильный вывод, что арестованные школьники были жертвами грубейшего произвола провокаторов Лунькова, Савкина, Белоусова и Клиппа.

После допроса свидетелей на вечернем заседании 22 февраля выступил с речью представитель государственного обвинения.

ИЗ РЕЧИ ВОЕННОГО ПРОКУРОРА СИБИРСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА БРИГВОЕНЮРИСТА т. ЛИХОВИДОВА

Товарищи судьи Военного трибунала! Преступление, совершенное сидящими на скамье подсудимых бывшими работниками Ленинск-Кузнецкого горотдела НКВД Луньковым, Савкиным, Белоусовым и бывшим горотским прокурором Клиппом, — тяжчайшее государственное преступление, направленное на дискредитацию социалистической законности, на извращение Великой Сталинской Конституции. Сталинская Конституция, этот величайший в мире закон, обязывает каждого гражданина СССР свято соблюдать законы, ревностно блюсти дисциплину труда, честно выполнять все свои обязанности. Долг каждого гражданина СССР — всемерно способствовать укреплению и усилению государственного аппарата и его правильной деятельности.

Находясь на ответственных постах, обвиняемые вместо честного выполнения своих обязанностей своими преступными действиями подрывали силу и авторитет органов советской власти, грубо нарушали социалистическую законность. Ленин говорил:

«Малейшее беззаконие, малейшее нарушение советского порядка есть уже злая, которую немедленно используют враги трудящихся... Товарищ Сталин со всей остротой поставил вопрос о необходимости усиления внимания к человеку. Интересы человеческой личности охраняются у нас неизменно и нерушимо всем обществом. На страже интересов личности стоят наши советские законы, нарушать которые не имеет права никто. Законы, охраняющие человеческую личность, достоинство человека, свято обязаны соблюдать все граждане, все работники, на каком бы посту они ни стояли.

Прежде, чем перейти к изложению обстоятельств разбираемого нами дела, я обращаю ваше внимание, товарищи судьи, на ту историческую, колоссальную работу, которая проделана славными органами ВЧК—ОГПУ—НКВД, нашими бесстрашными, зоркими часовыми — наркомвздельцами.

21 год назад в огне борьбы за укрепление и упрочение победы Октябрьской социалистической революции по инициативе и под руководством гениев человечества Ленина и Сталина была создана ВЧК. Во главе ВЧК наша партия поставила бесстрашного рыцаря революции, любимца партии и миллионов трудящихся масс — Феликса Эдмундовича Дзержинского. С первых же дней своей деятельности ВЧК, как указывает товарищ Сталин, стала грозой буржуазии, неусыпным стражем революции, обнаженным мечом пролетариата.

Под руководством нашей партии, при поддержке миллионов масс рабочих и крестьян ВЧК—ОГПУ—НКВД и ее органы сыграли выдающуюся историческую роль в разоблачении и беспощадном разгроме внутренних и внешних врагов нашей страны. На гнусные происки лазутчиков империализма обнаженный меч диктатуры пролетариата — органы ВЧК—ОГПУ—НКВД по указаниям Ленина и Сталина отвечали беспощадной расправой со всеми и всякими врагами трудящихся.

Капиталистический мир, окружавший огненным кольцом военную блокаду молодую Советскую республику, являлся базой и тылом для внешней и внутренней контрреволюции. Русская буржуазия вместе с капиталистическими разведками организовала многочисленные заговоры против молодой советской власти, пытаясь подорвать мощь нашей Родины. Громя внутренних врагов, ВЧК облегчала борьбу доблестной Красной Армии против интервентов. ВЧК не раз предотвращала смертельную опасность, грозившую молодой Советской республике. Наши славные, бесстрашные чекисты во главе с железным Феликсом Дзержинским блестяще отражали удары, которые пытались на-

нести в спину революции английские разведчики, германские шпионы, польские террористы, японские авантюристы, французские агенты империализма, продажные, подлые троцкистско-бухаринские псы фашизма.

В 1918 году ВЧК раскрыла и ликвидировала крупнейший контрреволюционный заговор английского разведчика Локкарта. Это был по существу заговор всех капиталистических разведок. Подобных контрреволюционных заговоров разгромила немало наша ВЧК, наша героическая советская разведка, разгромила при поддержке всех народов нашей страны, горячо любивших наших славных чекистов.

После гражданской войны ОГПУ неустанно продолжало борьбу с контрреволюционными заговорами, с шпионами и диверсантами, которые засылались иностранными разведками. Под руководством партии, во главе с великим Сталиным, наши боевые чекисты сокрушили экономическую контрреволюцию, которая пыталась сорвать мероприятия советской власти по хозяйственному возрождению страны. Все замыслы и планы контрреволюционных элементов, орудовавших внутри нашей страны по заданию империалистических разведок, вкупе с троцкистами, левыми-евцами, бухаринцами, были разоблачены чекистами и развеяны вражеским ОГПУ разгромило бану шахтинских вредителей, являвшихся агентами иностранных разведок. ОГПУ разгромило «промпартию», также действовавшую по заданию иностранной разведки. Беспощадной рукой наши чекисты раздавили контрреволюционную кулацкую шайку кондратьевцев и чьяловцев, опиравшихся в своем вредительстве на подлые предатели из бухаринско-рыковской банды.

Когда в СССР победил социализм, фашистские поджигатели перешли к наиболее коварным методам борьбы против первого в мире социалистического государства. Славная советская разведка — органы НКВД — под руководством нашей партии с корнем выкорчевала агентов фашистских разведок — троцкистско-бухаринских и рыковских шпионов и диверсантов.

Своей героической борьбой с врагами нашего государства органы НКВД и армия славных чекистов расстреляют планы фашистских поджигателей войны, отстоят дело мира, оказывают неоценимую услугу трудящимся всех стран в их борьбе с обнаглевшим фашизмом. В этом великая историческая заслуга НКВД и наших чекистов, хранящих свято славные традиции Феликса Дзержинского. Советская разведка сильна большевистской партийностью, высокой идейностью в работе, неразрывной связью с трудящимися массами нашей страны. Советский народ беззаветно любит свою разведку, ибо она защищает кровные интересы народа. В капиталистическом мире органы разведки являются наиболее несправедливой для широких масс трудящихся частью государственного аппарата. Там, в странах капитализма, разведка стоит на страже кучки капиталистов, эксплуататоров.

У нас, наоборот, органы государственной безопасности стоят бдительно на страже интересов народа. Поэтому они пользуются заслуженной любовью трудящихся. Поэтому работа в органах НКВД, в прокуратуре и суде является высокой наградой, величайшим доверием народа, которым обязан дорожить каждый работник НКВД, прокуратуры и суда. Требования трудящихся к работникам НКВД, прокуратуры и суда более высокие, и священной обязанностью каждого является оправдать это большое доверие народа.

Наша партия и правительство неоднократно указывали на необходимость укрепления пролетарской диктатуры, на необходимость укрепления всех ее органов, в том числе органов НКВД, прокуратуры и суда. Доверие и любовь народа, теснейшая

связь с народом придают нашей разведке колоссальную, непобедимую силу, которая отставала и всегда отстает счастье советского народа. Лучшей оценкой этой колоссальной, непобедимой силы нашей советской разведки являются звериная ненависть и злоба врагов народа, которым никогда и нигде не укрыться от карающей руки советской власти.

Органы НКВД проделали колоссальную и почетную работу. Однако это не значит, что можно ослабить бдительность. Троцкистско-бухаринские бандиты, шпионы и диверсанты капиталистических разведок разгромлены, но это не значит, что где-нибудь в потайных щелях еще не остались их замаскированные приспешники. Поэтому наша задача, задача всех наркомундельцев неустанно повышать и повышать свою бдительность, зоркость, беспощадно разить малейшие проявления вражеской деятельности. Это является залогом нашей победы в грядущих схватках с фашизмом, залогом победы в борьбе нашего народа за дальнейшие победы коммунизма.

Революционная законность всегда являлась одной из важнейших функций пролетарской диктатуры. Революционная законность нашего времени направлена своим острием против враждебных нам элементов, против врагов народа, против вредителей, расхиционеров общественной собственности. В 1919 году в своем письме по поводу победы над Колчаком Ленин указывал на необходимость соблюдать свято законы и следить за их исполнением.

Советский прокурор обязан вести решительную борьбу за укрепление революционной законности. Граждане нашей страны требуют в первую очередь от прокуратуры точного соблюдения и строжайшей охраны своих прав. Главная задача прокуратуры — бдительно следить за правильным и единообразным пониманием законности. Борьба со всякого рода отклонениями и нарушениями революционной законности — священная обязанность каждого прокурора. Он обязан опротестовать всякое незаконное решение. В руках социалистического государства устойчивость, стабильность законов является могущественным средством укрепления социализма, завоевания новых побед коммунизма. Прокуратуре и органам НКВД поручено государством раскрывать всякие преступные махинации врагов народа, разоблачать их и преследовать в установленном законом порядке.

Армия чекистов, работников прокуратуры и суда доблестно и героически выполняла и выполняет почетный долг охраны интересов народа, государства. Эта армия окружена заботой партии, правительства и широких трудящихся масс. Задача всех работников НКВД, прокуратуры и суда — уметь отличать друга от врага, чтобы ни один враг не остался неразоблаченным и неказненным и ни один честный, незапятнанный гражданин не был бы незаконно привлечен, как обвиняемый. Еще более повышать революционную бдительность и зоркость, чтобы до конца вскрыть и разоблачить притаившихся врагов народа, которые действуют тихой сапой, — только при этом условии будут с честью выполнены поставленные партией и правительством задачи.

Как же выполняли свой высокий, почетный долг перед народом подсудимые Луньков, Савкин, Белоусов и Клипп при ведении следствия по «детскому делу»? Они совершили тяжчайшее преступление, потеряли всякую политическую бдительность. Проявляя ложную бдительность, они привлекали к уголовной ответственности детей за якобы совершенные ими контрреволюционные преступления. Подсудимые дискредитировали революционную законность, грубейшим образом нарушали права трудящихся, создавая провокационное дело, льющее воду на мельницу врагов народа. Савкин и Белоусов с ведома Лунькова, при попустительстве Клиппа, фабриковали из ни на чем не обоснованных,

от начала до конца высосанные из пальца обвинения против детей. На мой вопрос Савкин ответил, что он знал только одну 58 статью, других статей закона не знал и не читал и не разбирался в квалификации состава преступления. Спрашивается, как мог работать такой негодяй в органах НКВД? И разве удивительно, что он, являющийся вместе с Луньковым душой и организатором этой неслыханной провокации, грубо нарушал законы при ведении следствия, фабриковал дело, не имея никаких фактических данных! Савкин в таком же духе воспитывал и своего подчиненного Белоусова, который, будучи основным следователем по «детскому делу», является также инициатором в создании необоснованного обвинения против счастливых советских детей.

Ни Савкин, ни Белоусов не имели ни одного конкретного факта о преступлениях, якобы совершенных арестованными ими детьми. Белоусов считал террористическим актом любой хулиганский поступок детей. Савкин и Белоусов с невиданной легкостью при допросах детей превращали невинную детскую рогатку для стрельбы по воробьям в грозное оружие, потрясающее государственные основы.

Савкин, Луньков и Белоусов при прокуратуре Клиппа обычные хулиганские проступки детей квалифицировали по статьям Уголовного Кодекса, карающим виновников за совершение террористических актов, шпионаж, создание антисоветских организаций. Об этой провокации было известно Лунькову и Клиппу, но ни тот, ни другой не проявили себя политическими деятелями, бдительными, зоркими работниками. И тот и другой показали себя рогатками, политическими шляпами. Клипп выполнял роль штамповщика, он санкционировал аресты детей, хотя не имел на это никаких оснований. Своими преступными действиями, грубо творя беззаконие и самоуправство, Клипп активно способствовал врагам народа.

Находясь на почетных постах в органах НКВД и прокуратуры, Луньков, Савкин, Белоусов и Клипп, репрессировав ни в чем невинных советских детей, не пытались разоблачить действительных врагов, орудовавших за спиной детей, пытавшихся свернуть молодежь с правильного пути. Это есть гнуснейшая преступная провокация, играющая на-руку только нашим врагам.

Подсудимые, используя свое должностное положение, своими провокационными действиями пытались дискредитировать и запятнать героическое знамя нашей славной советской разведки. Они забыли о том, что это не удавалось и не удастся сделать никому и никогда. Наша партия, руководимая великим Сталиным, наши славные органы НКВД и прокуратуры не позволят никому в какой-либо степени опорочить работу наркомнудельцев, работников прокуратуры. Всякий, кто попытается это сделать, будет разоблачен и беспощадно наказан. Органы НКВД, под боевым руководством партии и испытанного большевика-ленинца тов. Л. П. Берия, разоблачали и будут впредь разоблачать врагов народа и их пособников и беспощадно их уничтожать. Пусть знают все, что указания партии, указания великого Сталина — беспощадно вскрывать всякие недочеты, ошибки и извращения в нашей работе, критиковать всех работников, невзирая на лица, эти указания выполнялись и будут выполняться свято. И всякий, кто, как великожа, считает, что советские законы для него необязательны, будет сурово наказан. Ярчайшим доказательством этого является настоящий процесс. Мы и впредь будем вести беспощадную борьбу со всеми нарушениями закона, от кого бы они ни исходили.

Наша партия проявляет исключительную заботу о воспитании наших детей в

духе беспредельной преданности делу Ленина—Сталина, нашей Родине, развивается в детях высокие и святые чувства советского патриотизма, чувства гордости за нашу непобедимую Родину. Эти заботы партии и правительства дают нам полное основание радостно и бодро, волнуясь, любовно смотреть на наше могучее молодое поколение, как на поколение будущих мужественных героических борцов, полководцев, храбрых героев нашей Родины, как на поколение, равного которому не знала история человечества.

Подсудимые Луньков, Савкин, Белоусов и Клипп своими наглыми провокационными действиями пытались опорочить советских детей и за это должны понести суровое наказание по всей строгости революционных законов. И я уверен, что трибунал воздаст по заслугам каждому.

Касаясь некоторых процессуальных вопросов, я считаю важнейшими из них два: первый — имело ли место деяние, предъявленное подсудимым, второе — содержало ли это деяние в себе состав преступления? На оба эти вопроса я, как представитель государственного обвинения, даю положительный ответ: да, предъявленное Лунькову, Савкину, Белоусову и Клиппу обвинение доказано и все, что изложено в обвинительном заключении, полностью установлено на предварительном и судебном следствии, деяния обвиняемых заключают в себе полный состав уголовного преступления.

Доказательствами этого я считаю показания самих обвиняемых, показания свидетелей, проведенный вами, товарищи судьи, разбор дела со всей объективной добросовестностью и максимальной тщательностью. Правда, некоторые из подсудимых, как, например, Белоусов и Савкин пытались сгладить некоторые обстоятельства, относящиеся к их провокационной деятельности, но оба были разоблачены во лжи.

Как показало судебное следствие, не все обвиняемые в равной степени участвовали в совершенном преступлении, рассмотренном на этом процессе. Отсюда возникают вопросы — в какой мере каждый из обвиняемых должен ответить за предъявленные ему обвинения и какого наказания заслуживают обвиняемые.

На это я отвечаю: должны отвечать в полном объеме, ибо здесь мы имеем лишь своеобразное «разделение труда» обвиняемых по созданию провокационного дела. Одни писали справки, вторые составляли обвинительные заключения, третьи допрашивали, четвертые осуществляли «прокурорский надзор». Эта общность преступной деятельности юридически выражена в предъявленном всем подсудимым обвинении: к Лунькову, Савкину, и Белоусову по ст. 193-17 УК РСФСР, а к Клиппу по ст. 109 УК РСФСР. Это, однако, не означает, что все должны отвечать одинаково.

Исходя из этого, я считаю, что из общего числа обвиняемых подлежат выделить двух подсудимых — Клиппа и Белоусова, которые заслуживают, чтобы к ним была применена менее строгая мера наказания, чем к Савкину и Лунькову. По моему мнению, Клипп и Белоусову можно ограничиться наказанием в пять—шесть лет, а в отношении Савкина и Лунькова я требую дать — первому десять лет и второму — восемь лет лишения свободы.

Материалами судебного следствия установлено, что проходящий по этому делу свидетелем М. М. Шапиро является одним из участников грубейшего нарушения социалистической законности, соучастником в создании провокационного дела по обвинению детей. Шапиро вместе с Луньковым, Савкиным и Белоусовым составляли списки для ареста детей, поэтому Шапиро должен быть привлечен к судебной ответственности, как один из соучастников этого дела, о чем я и ходатайствую перед трибуналом.

Выступления защитников, последние слова подсудимых

Защитник тов. Фомичев, защищающий подсудимых Савкина и Белоусова, говорит о том, что, по его мнению, оба его подзащитных, особенно Савкин, не являются основными фигурами процесса. Савкин и Белоусов, — говорит защитник, — только слепо выполняли директивы, данные им свыше. Защитник допускает, что Савкин и Белоусов действительно не знали закона от 7 апреля 1935 года и хотя незнание законов не является смягчающим вину обстоятельством, тем не менее, суд должен учесть обстановку, при которой производился допрос детей, учесть все обстоятельства дела. Защитник ходатайствует перед трибуналом о снижении наказания, которого требовал прокурор для Савкина и Белоусова.

Другой защитник — тов. Воскобойников, защищающий подсудимых Лунькова и Клиппа, также говорит о том, что его подзащитные были якобы слепыми исполнителями данных им указаний. Указывая на честную работу Лунькова в продолжении многих лет, а также на то, что Клипп замешал городского прокурора не продолжительный срок, защитник ходатайствует о смягчении наказания обоим его подзащитным.

Предоставляется последнее слово подсудимым. Подсудимый Луньков говорит о

своей якобы второстепенной роли в создании провокационного дела, признается только в том, что он нарушил закон от 7 апреля 1935 года. Подсудимый просит трибунал учесть его ошибки и смягчить приговор.

Подсудимые Савкин, Белоусов и Клипп в своем последнем слове просили трибунал о снисхождении.

★

После совещания, поздно ночью, трибунал вынес приговор. Предъявленные подсудимым обвинения по ст. ст. 193-17 и 109 УК РСФСР трибунал признал доказанными и приговорил: Лунькова А. Г. — к 7 годам лишения свободы, Савкина А. И. — к 10 годам, Белоусова А. И. — к 5 годам и Клипп Р. М. — к 5 годам лишения свободы.

Приговор вынесен без лишения избирательных прав. Все подсудимые лишены носимых ими званий.

Военный трибунал по ходатайству военного прокурора вынес определение о привлечении Шапиро к уголовной ответственности по ст. 193-17 УК РСФСР, как соучастника в создании разобранного трибуналом провокационного дела.